

Е. К. Дмитриева

Музей моей памяти

(фрагменты)

Для цитирования: *Дмитриева Е. К. Музей моей памяти // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 179–191.*

Предисловие

В оглавлении повесть состоит из трех частей: «Натюрморты 50-х годов», «Мир вокруг», «Родные лица», однако в тексте первые две части объединены.

В первой части описываются фрагменты дома, где проходило детство Елены — сама квартира, атрибуты и распорядок повседневной жизни, традиционные семейные праздники, любимые игрушки. Вторая часть посвящена городу — типичным маршрутам, местам прогулок, родному району. Фрагменты этой части будут приведены здесь. Третья часть — это персоналии, любимые и близкие люди, родители, сестра.

Повесть — продуманный труд, который Елена хотела оставить для потомков, прежде всего для дочери (автора этой публикации), внуков, которых она никогда не увидела, наверное, и для правнуков (надеюсь, они будут и прочитают эти строки). Приведем её вступление к повести.

Воспоминания детства всегда были со мной, как самый дорогой подарок судьбы. И этим подарком я хотела бы поделиться со всеми.

Воспоминания — дань прошлому и обращение к будущему. Когда-то давно я начинала их писать. Сколько лет мне было тогда — 10 или 12? Эти несколько строчек, написанных школьницей-мечтательницей, и сейчас хранятся где-то в моих бумагах. Тогда это была попытка утвердиться в начинающейся жизни. Теперь — желание и осознание необходимости рассказать о своей семье, о «том» времени, передать — пусть крохи — тех отрывочных сведений о нашей семье, которые запомнились и дороги мне.

Я не могу заглянуть в прошлое, но то, что осталось в моей памяти, очень хочу выразить на бумаге.

...Будучи старшеклассницей, начала как-то читать мемуары Татьяны Кузьминской и удивилась ее осведомленности: она писала о своем прадеде, прапрадеде и т. д. Невольное отчаяние от скудости наших семейных преданий овладело тогда мной.

Потом было первое обращение к Евангелию и удивление от бесконечного перечисления: «Исаак родил Иакова, Иаков родил...» Лишь позднее пришло осознание величия этих строк, в которых сконцентрирована до предела человеческая память. Ты знаешь, что она может развернуться в целые образы, судьбы.

И — как итог — осознание собственного «родового» бессилия, не способного выстроить даже небольшую цепочку: отец — дед — прадед — прапрадед... А дальше? Пустота?

Стадион «Динамо»

Стадион «Динамо», бывший Петровский парк, находился от нас в двух трамвайных остановках. Но если мы отправлялись туда с дедом «на дальнюю прогулку», то шли всегда пешком. Это был своего рода ритуал. Лишь на обратном пути иногда, слишком устав, мы присаживались ненадолго на скамейку на аллейке. Непременным условием деда было одно: хочешь идти гулять вдоль «Динамо» — не жалуйся на усталость.

По-моему, дед не любил просто прогулки ради прогулок. Ему всегда нужна была какая-либо цель. Поэтому мы никогда не ходили просто на «Динамо», но, как правило, отправлялись с целью обойти стадион по периметру. В таких прогулках нам виделось что-то законченное.

Пожалуй, для трех-четырёх летней девочки это был очень сложный маршрут, но я старалась, как могла.

Мы шли вдоль высокой чугунной ограды и вели свои, интересные только нам двоим, разговоры. В нескольких местах в ограду были встроены билетные кассы, в которых в те дни, когда на стадионе не было соревнований и футбольных матчей, продавали бутерброды, конфеты и пиво. Как правило, дед покупал мне там бутерброд с черной или красной икрой и шоколадную конфету, а себе кружку пива.

С северной стороны вдоль чугунной ограды росли кусты боярышника и грушевые деревья. На зависть мне на них часто сживали мальчишки и лакомились недозрелыми плодами. Особенно аппетитными казались маленькие зеленые груши. Дед, понимая меня без слов, просит мальчишек потрясти ветки, чтобы мы с ним тоже могли попробовать груши. Я поднимаю с земли несколько штук и старательно жую их. Груши не просто кислые, они вяжут рот, но от этого вовсе не кажутся мне невкусными. Они прекрасны! (Просто еще не дозрели). Но спелых груш я не видела на деревьях никогда — местные мальчишки всегда об этом своевременно заботились.

Ходили мы с дедом и на малую арену смотреть футбол или какое-нибудь соревнование. Какое — по-моему, нам было безразлично. Просто было уютно сидеть на трибунах вместе с другими и «болеть». Впрочем, трибун, таких как сейчас, еще не было. Вокруг поля в несколько рядов стояли деревянные скамейки, вкопанные в землю.

Из всего увиденного запомнилось не много. Один футбольный матч. Не помню, какие команды тогда играли, да и не в этом было дело. Матч запомнился из-за одного эпизода: во время игры на поле неожиданно выбежала собака, схватила мяч и скрылась. То-то радости было всем болельщикам!

Еще почему-то запомнились соревнования по марафонскому бегу. Мы с дедом сидели на трибунах среди немногочисленных болель-

щиков. Соревнование было долгим — бег на дальние дистанции. Конечно, было немного скучновато, но уйти не хватало сил. Очень хотелось узнать, кто же придет к финишу первым. Я «болела» за одного смешного бегуна: двигался он очень странно, сильно выпятив грудь и высоко поднимая голову. Вид был у него очень важный и смешной одновременно.

Бегуны сильно растянулись по всему полю, и понять, кто бежит первый, а кто последний, просто не было никакой возможности, так как первые давно догнали последних, а понять, кто бежит какой круг по счету, зрители уже не могли. Мне казалось, что в этой бесконечной круговой гонке не могут разобраться и сами судьи.

Помнится наш поход на динамовские пруды (жаль, что их давно засыпали землей). Это был теплый майский день. Ярко светило солнце. Все зелено. Вокруг прудов полно мальчишек, они ловят сачками корм рыбам, головастика и тритонов. Мы идем вдоль берега и разглядываем их улов. Я даже не отваживаюсь высказать свою мечту — поймать головастика, принести его домой и проследить, как он превратится в лягушонка, потеряв свой хвостик. Как-то не верится рассказам взрослых, что хвостик головастика действительно может когда-нибудь отвалиться.

Трамвай

Московские трамваи с деревянными, набранными сидениями, с кожаными ручками, до которых нам, детям, невозможно дотянуться, даже если встать на самые цыпочки. Неизменные два вагона, громыхающие по рельсам и скрежещущие на поворотах. Трамвайные звонки особенно громкие, словно вымытые весной. Они тоже были неизменными спутниками нашей начинающейся жизни.

Трамвайная линия проходила вдоль аллейки. По ближнему к нам рельсам, ведущим направо, трамвай спешил мимо стадиона «Динамо» на улицу 8-го Марта. Там мы никогда не бывали, но знали, что на ней находится «сумасшедший дом» — место страшное, о котором мы говорили всегда только шепотом и затаив дыхание.

Дорога налево вела мимо кинотеатра «Салют» к Савеловскому вокзалу. Там, на вокзальной площади, был «трамвайный круг», место, где трамваи разных номеров встречались на несколько минут, чтобы вновь разбежаться в разные стороны. В центре рельсового круга размещалась большая клумба с цветами. Росли на ней обычно карликовые георгины, но как-то в одно лето на клумбу высадили канны. Так неожиданно было увидеть эти экзотические диковинные цветы в Москве.

Трамваев к «кругу» подходило много. Среди них и знаменитая «Аннушка». (Тогда мне и в голову не приходило, что это был самый первый трамвайный маршрут Москвы. Когда-то он связывал центр с дачами в Петровском-Разумовском. Ну а позднее на нем работал кондуктором будущий писатель Михаил Пришвин).

Трамвай был любимым видом транспорта моей бабушки. Куда мы только на нем не ездили. Даже в конце лета, возвращаясь с дачи, мы долго ехали на нем через всю Москву от Ярославского вокзала. Трамвай вез нас по тихим зеленым улицам. Народу в нем всегда было очень немного. Я сидела у открытого окна, смотрела по сторонам и мечтала хоть на минуту высунуться из него. Но стоило мне только положить локоть на окно, как бабушка тут же предупреждала меня о возможной опасности. (Высовываться из окна мне категорически запрещалось, так как, по мнению бабушки, так было недолго потерять руку или голову!)

На трамвае бабушка возила меня в детскую поликлинику. Этим маршрутом мы ездили очень часто, так как в детстве я без конца болела, и меня все называли обидным словом «хиленькая». Порой бабушка «хитрила» и не брала билет. Помню, как-то я заметила это и, решив, что бабушка забыла заплатить за проезд, сказала ей об этом. Бабушка как-то странно-испуганно посмотрела на меня и, тушуясь, сказала: «Я тебе потом все объясню...»

Вышли мы на следующей остановке, и бабушка пояснила: «Понимаешь, я решила сэкономить, чтобы купить на эти деньги газету. Это ничего. Иногда можно».

Помню мое неподдельное удивление: я ведь была уверена, что ехать без билета — это страшное преступление. И вдруг мы проехали «зайцами», и бабушку никто не посадил за это в тюрьму.

Пройдет немного лет, мы получим новую квартиру. По иронии судьбы наш новый дом будет построен напротив Тимирязевского леса там, где в молодости бабушка снимала дачу. Ну а в школу я буду ездить конечно же на любимом трамвае.

Кинотеатр «Салют»

Кинотеатр «Салют» находился недалеко от Савеловского вокзала. Раз в неделю днем мы отправлялись смотреть там новое кино. Состав нашей компании был неизменен: бабушка со мной, кока Оля с внучкой Ниной и тетя Маруся со своей дочкой Наташей.

Идем по аллейке. Взрослые — отдельно. Мы, дети, — немного впереди них. Входим в кинотеатр, в фойе нас встречает музыка. На сцене певица в ярко-синем бархатном платье под оркестр поет песни. Пом-

ню ее темные вьющиеся волосы, глубокое декольте, рукава-фонарики и широкую длинную юбку. Народу в фойе много. Мы издали наблюдаем за красивой певицей.

Раздается звонок, и все спешат в зал. Едва гаснет свет, как мы, девочки, срываемся со своих мест и бежим вместе с другими ребятами наперегонки занимать свободные места в первом ряду. Экран так близко от нас, что приходится сидеть, запрокинув головы. Наши карманы набиты леденцами — «театралками», «барбарисом», «дюшесом». Весь сеанс не переставая мы сосем конфеты. Иногда в конфете попадает пузырек воздуха, о края которого можно очень больно обрезать язык. Но боль проходит быстро. Главное — поскорее положить в рот новую конфету, чтобы ее вкус перебил солоноватый привкус крови.

Все просмотренные нами «взрослые» фильмы слились в один. Впрочем, это не совсем так. Один фильм мне запомнился особо. Я даже могу пересказать его сюжет. А запомнился он вот почему. В тот раз в кино мы пошли с бабушкой вдвоем. Фильм попался очень «взрослый», с пикантным сюжетом. Даже в темноте я чувствовала, как бабушка очень волновалась, то и дело поглядывая на меня.

Когда фильм закончился и мы возвращались домой, бабушка стала извиняться, что повела меня на «такой» фильм. Милая бабушка! Ей было невдомек, что я НИЧЕГО не поняла в этом фильме, и ее извинения были мне совершенно не нужны.

Когда мы немного повзрослели, то стали ходить в кино на детские сеансы самостоятельно. Каждому из нас взрослые выдавали неизменные 10 копеек на билет.

Ну а потом... кинотеатр сломали. (Начиналась реконструкция Савеловского вокзала — строилась эстакада, и кинотеатр этому мешал). Нам очень не хватало нашего «Салюта», и мы с нетерпением ждали, когда построят новый. Время шло, но кинотеатр все не строили. Потом я узнала, что где-то в Москве открылся новый «Салют» и поехала туда (в то время я уже была школьницей). Разочарование было огромное — это оказалось большое современное строение с типичным «козырьком» над входом, каких в то время появилось так много в Москве. Помню странное чувство, охватившее меня. Сформулировать его можно было одним словом — «предали!».

Гостиница «Советская». (У «Яра»)

В детстве каждый день, как праздник. Радостно открывать и узнавать что-то новое. Радостно возвращаться к старому, полюбившемуся. Одно из «полюбившегося» — прогулки с бабушкой к гостинице «Советская». Может быть, это не были просто прогулки, и мы шли туда «по делам», за покупками, но я этого не замечала. Для меня это был еще один «мой» праздник.

Здание гостиницы поражало своей величественностью, монументальностью: выступы в виде колонн, огромные окна, герб над входом. Не меньший восторг вызывал и знаменитый некогда ресторан «Яр», построенный в стиле «модерн», с огромной декоративной вазой в угловой нише дома. Он вплотную примыкал к гостинице, образуя с ней одно целое.

Мы идем мимо входа со швейцарами, выходим на Ленинградский проспект, поворачиваем налево. Обязательно заходим в магазин «Мясо», который разместился на первом этаже «Яра». В витринах — на удивленье! — лежат тетерева, перепела, голуби — неошипанные, в сказочном оперении. Перышки настолько чисты, что кажется, птицы спят, спрятав свои головки под крылья.

На стенах рисунки по стеклу с образцами разделки говядины, свинины, баранины и козлятины. С интересом рассматриваю их и недоумеваю: зачем показана «козлятина»? в продаже ее я никогда не видела.

Бабушка выбирает кусок мяса и просит продавца проверить его в мясорубке. Продавец тут же отправляет кусок в пасть большой металлической машины, установленной на прилавке, и мы смотрим, как мясо превращается в фарш у нас на глазах. Мясорубка появилась здесь совсем недавно, и пользоваться ею радостно и интересно.

Но вот мы возвращаемся домой. Я немного волнуясь, так как не знаю, разрешит ли мне бабушка пройти по пандусу гостиницы. Дело в том, что в этой части улица идет под уклон, и пандус, начинаясь у самой земли, постепенно повышается, достигая почти метровой высоты.

И вот я иду по заветному возвышению — маленький человечек поднимается все выше и выше. Немного страшно. Жду, чтобы бабушка снял меня, так как прыгнуть самой не хватает смелости. Тяну руки к деду, и он подхватывает меня и опускает на тротуар.

Мы поворачиваем направо и начинаем наш обратный путь домой. Я смотрю на сказочный замок в глубине двора за забором напротив гостиницы. Это охотничий домик, старожил здешних мест. В моих глазах он прекрасен — этот островок далекого прошлого.

...Пройдут годы, и кому-то он помешает: его снесут, а на этом месте сделают стоянку для машин. Жаль несказанно.

Парк культуры (ЦПКиО им. Горького)

Это было традицией — один раз за лето побывать в Парке Горького. Чаще всего я отправлялась туда с дедом Васей, реже — с бабушкой. Бродили по дорожкам, сидели на скамейках, ели всякие разности, катались на аттракционах. Но больше всего мне нравилось там ходить у прудов и смотреть, как катаются на лодках. Вот кто-то причалил к острову и вышел на него. «Что-то интересное он там встретит?» — думалось мне с замиранием сердца.

Несказанно было красивы лодки, проплывающие под выгнутым мостиком, перекинутым от одного острова к другому, из одного пруда в другой. Все казалось, что каждый пруд — это свой, отдельный мир, и путешествие по ним воспринималось мной как путешествие по разным морям.

А как хотелось, чтобы какая-нибудь лодка подплыла к нам, и меня пригласили бы покататься.

Иногда я набиралась смелости и просила деда покатасть меня на лодке. Но ответ всегда был один: я еще слишком мала.

Наверное, в детстве я была страшной трусихой: я могла прокатиться на каруселях, на ракете, противовесом которой почему-то был заяц с морковкой, а вот кататься на качелях, подвешенных на толстых цепях, мне было страшновато.

Помню, как первый раз побывала на колесе обозрения — «чертовом колесе». Сначала — для пробы — дедушка разрешил мне одной покататься на малом колесе. Это оказалось совсем не страшно, да и не очень интересно. Затем мы отправились к большому колесу. Отстояли длинную очередь, сели в кабинку. Ее открытость и постоянное покачивание заставили меня незаметно поближе придвинуться к деду и прижаться к нему.

Медленно колесо поползло вверх, наполняя меня страхом высоты, незащищенности и беспомощности. Судорожно сжимая в руках металлические перила, я смотрела на Москву «с птичьего полета», в надежде увидеть дом, где мы живем. Но сколько бы я не вглядывалась в ту сторону, куда указывал мне дед, своего родного дома я не могла разглядеть.

Достигаем самой верхней точки и замираем: колесо останавливается, и мы тихо покачиваемся. Мне очень страшно и, одновременно, радостно. Но, перекрывая восторг, звучат во мне слова: «Скорее, скорее бы вниз!».

Наконец, колесо вновь начинает крутиться, и мы медленно приближаемся к земле. Я успокаиваюсь, но когда наша кабинка останавливается перед служителем, дедушка протягивает ему еще два билета, и мы вновь начинаем подниматься вверх. И все повторяется сначала: страхи, восторги, надежды.

Бутырский рынок

Наш дом стоял совсем близко от Бутырского рынка. Достаточно было перейти улицу наискосок, и ты оказывался на рыночной площади.

Рынок — этот особый, удивительный мир — был неотъемлемой частью нашего существования. Сколько было связано с ним! Маленькие магазинчики и лавочки, большой крытый павильон, ряды прилавков под навесными крышами, открытые ряды и, наконец, двухэтажный желтый дом, где на втором этаже, по рассказам взрослых, размещалась пельменная.

Рынок жил своей полноценной жизнью, меняясь с каждым временем года, с каждым месяцем, с каждым днем и часом. Я любила бегать туда по нескольку раз на дню. По цветам, продававшимся на рынке, я узнавала о приходе весны. Раньше всех появлялась мимоза. Ее пушистые, густо пахнувшие ветки лежали на прилавках, и иногда продавцы раздавали детям маленькие веточки.

Потом появлялись анемоны, цветы с удивительной расцветкой: зеленой, розовой, синей, белой. Дедушка говорил, что продавцы добавляют в воду разноцветные чернила, чтобы цветы изменяли свой цвет, и поэтому покупать их не стоит: они все равно быстро завянут.

Я не верила деду и мечтала купить эти цветы. Наконец, мне удалось уговорить маму профинансировать мое предприятие, и я гордо принесла домой заветный букетик. Я поставила цветы в воду. Шло время, но они не хотели поднимать свои головки — их стебельки беспомощно свисали по краям вазочки, и никакие мои просьбы и уговоры не могли заставить их подняться.

В Вербное воскресенье рынок утопал в пушистой вербе. Обычно дедушка покупал букетик этих ярко бордовых веточек с пушочками и дарил их бабушке. Вербка стояла в стеклянной банке на окне. «Пушистики» быстро опадали, но взамен их из верхних почек появлялись яркие зеленые листочки. Они тянулись к солнцу и очень быстро становились зелеными веточками. В воде верба пускала корешочки — белые, крепкие. Они закручивались по доньшку и стенкам банки так, что если вынуть аккуратно веточки, корешочки продолжали сохранять форму банки.

Я с нетерпением ждала тепла, чтобы можно было посадить молодые вербочки. Но сил им не хватало: листочки желтели, не дождавись тепла.

И все же настоящая весна начиналась для меня тогда, когда появлялись подснежники. Мы покупали целый букет этих нежных цветков за 10 копеек, приносили их домой и ставили в темно-зеленую керамическую вазу, купленную Людмилой, на середину стола. Этот праздник оставался с нами несколько дней. Затем подснеж-

ники в вазе сменяли ландыши, потом незабудки и ярко-желтые купалки.

В середине мая на рынок привозили тюльпаны. Каждую свободную минуту я бегала смотреть на них и, буквально за копейки, выбирала самые большие, красивые цветы. Моей заветной мечтой было купить черный тюльпан. (Людмила пересказала мне роман А. Дюма с таким же названием, после чего я днем и ночью думала только о черном тюльпане).

Как-то мы шли с дедушкой по рынку, и он сказал мне: «Вот твой черный тюльпан». Среди других цветов я увидела маленький густо-фиолетовый цветок. Сбегала домой, попросила у мамы денег, и вот он передо мной. «Но почему он такой маленький и не совсем черный?» — спрашивала я. «Черных цветов на свете не бывает, — говорили мне. — Просто люди решили назвать так подобные тюльпаны». Такое объяснение меня явно не устраивало.

Цветок быстро завял, уронив на подоконник свои лепестки. Я рассматривала их и все мечтала о том, что, когда стану большой, выращу настоящий черный тюльпан.

Весной продавали на рынке и цветочную рассаду — маргаритки, анютины глазки, незабудки, клубни георгинов и многое, многое другое. Как хотелось все это великолепиие купить и принести домой!

К началу лета цветов привозили так много, что продавцам не хватало места на рынке, и цветочные ряды выносились за его территорию, на соседнюю улицу. Но постепенно, ближе к осени, цветов становилось все меньше и меньше, пока, наконец, они не исчезали совсем до следующей весны.

Впрочем, в это время появлялись другие интересные вещи. В павильоне располагались игрушечники. Они расставляли на прилавках деревянных медведей и мужиков, колющих дрова по очереди крошечными топориками, стеклянных «неваляшек» — «Ванек-встанек» (это действительно были игрушки, изображающие мужчин), восковых лебедей.

Почему-то деревянные игрушки меня совсем не интересовали. Обычно мне покупали неваляшек (которых я с нескрываемым упорством старалась уложить спать) и лебедей. Лебедей я пускала плавать в блюдце или в аквариум с рыбками. Но игрушки не были долговечными: постепенно неваляшки теряли свою устойчивость и начинали клониться на один бок, а лебеди становились все мягче и мягче, теряя на глазах свою форму. Спустя какое-то время мне покупали новые игрушки — и все начиналось сначала.

Помню, как в дальних рядах на рынке продавали копилки из папье-маше — разрисованных аляповатых собак и кошек. (Одна такая собака стояла у нас в комнате на гардеробе). Рассматривать этих уродцев мне совсем не хотелось и я спешила поскорее пройти мимо них к более интересным вещам.

Любила я заглядывать в палатку, где подавали ткани. В основном это был ситец и сатин, но удивительно красивых расцветок (или мне так тогда казалось?)

Особый трепет вызывал у меня галантерейный магазин, а в нем янтарные бусы — нитки крупных тяжелых бусин желтого и черного цвета. Как мне хотелось их купить! Но взрослые объясняли, что эти бусы не для детей, и вообще они лечебные, только для тех, у кого «щетовидка», их нужно носить на голой шее. — Словом, мне они никак не нужны. Я внимательно слушала эти доводы, вздыхала и продолжала мечтать о бусах...

Как-то дедушка рассказал мне, что раньше, при НЭПе, у бабушки на рынке была своя лавочка, где она торговала галантерейным товаром. Для меня это было так неожиданно. Я очень загордилась этим, и тут же рассказала все своим подружкам.

Помню над выходами из крытого рынка написанные маслом картины, изображающие огромные овощи и фрукты — арбузы, баклажаны, капусту... Сняли их почему-то совсем недавно. А жаль! Им бы теперь место в музее рядом с полотнами Пиросмани. Но куда они делись, я не знаю.

За рынком стояли три киоска — «Союзпечать», «Сигареты» и «Мороженое». В «Союзпечати» бабушка покупала газеты, когда мы возвращались с ней из детской поликлиники. Здесь стояли на полках и собрания сочинений разных писателей. Я смотрела на них с замиранием сердца, и даже не смела и мечтать, что когда-нибудь хоть одно из них появится у нас в доме (это произойдет намного позже, когда моей сестре Люде по ее просьбе купят в честь окончания школы полное собрание сочинений Э. Золя).

В «Сигаретах» дед постоянно покупал себе папиросы «Беломорканал». К этому киоску мне строго-настрого запрещалось подходить. Почему возник этот запрет, я не понимала, но — на всякий случай — киоска панически боялась и старалась обходить его стороной.

Любимый киоск всей детворы — «Мороженое» (точнее, это был не киоск, а специальное приспособление на колесиках с ручкой на боку). А что может быть в детстве вкуснее мороженого? Особенно мне нравилось фруктовое в картонном стаканчике за 70 копеек. Я очень любила, когда дедушка приносил мне его с рынка, и я ела его, сидя в саду за столом, деревянной лопаточкой. Мороженое быстро таяло, превращаясь в сладкий ягодный сироп, стаканчик становился мягким, слегка разбухшим от влаги. И все-таки именно самые последние, растаявшие капельки мороженого, старательно соскребываемые с боков стаканчика, и были самыми вкусными.

Порой мороженое в нашем доме становилось лекарством и совсем не предназначалось детям. Это бывало тогда, когда заболела бабушка Лена. В этот день она не вставала со своей высокой кровати.

Гордо лежала на высоких подушках под одеялом в белоснежном пододеяльнике. Это значило, что у бабушки «болит сердце». Дед Вася быстро собирался и уходил на рынок за мороженым. Считалось, что именно холодное мороженое нужно сейчас бабушке больше всего.

Вернувшись, дедушка разворачивал мороженое, клал его на блюдечко и подавал больной. Бабушка, не поднимаясь с подушек, ела мороженое ложечкой маленькими кусочками. Вскоре ей становилось лучше. А я сочувствовала бабушке так, что даже смотря, как она ест лакомство, нисколько не завидовала.

С рынком связано и одно горькое воспоминание. Как-то бабушка отправила меня — в первый раз в жизни! — на рынок за хлебом. Я готова была провалиться сквозь землю от страха, но делать было нечего. Зажав в кулаке деньги, я пошла на рынок, когда подошла моя очередь, прошептала: «Мне батон за рубль тридцать». Говорила я так тихо, что продавщица с трудом поняла меня и протянула мне хлеб. Схватив его, я побежала без оглядки домой, радуясь, что все страшное уже позади.

Но каков был мой ужас, когда бабушка, взяв батон, спросила: «А где же сдача?» Я беспомощно развела руками. Помню, бабушка стала возмущаться, что обманули такую маленькую девочку. Ей вторила наша соседка тетя Лена. Та считала, что «так оставить это нельзя». Кончилось тем, что меня, зареванную, потащили на рынок (кажется, пошла со мной не бабушка, а тетя Лена). Там, пристыженная (но, может быть, совсем не виноватая) продавщица выдала причитающуюся мне сдачу. А я, возвращаясь домой, мечтала только об одном, чтобы больше никогда меня не посылали за хлебом.

Московское метро

Почему-то помню метро только вечером: папа, мама и я возвращаемся из гостей. В памяти только три станции — «Новослободская», «Белорусская», «Динамо» и длинные подземные переходы...

«Новослободскую» мы вышли посмотреть специально. Мне понравились ее витражи, так хотелось внимательно рассмотреть каждый из них, что маме с папой с трудом удалось уговорить меня ехать домой.

Обычно мы доезжали на метро до «Динамо», а дальше шли пешком. Маршрут был всегда один: по аллее вдоль стадиона «Динамо», где я любовалась ирисами, высаженными по берегам искусственных прудиков. На улице тепло. Мягкий, чуть желтоватый свет фонарей пробивается сквозь листву, высвечивая каждый листочек этого волшебного кружева.

А как нравились мне длинные переходы между станциями. Идешь под горку или с горки, потом просишь у мамы разрешения покататься, и, если мама согласна, берешь ее и папу за руки, приседаешь чуть-чуть и... «едешь», шмыгая ботинками по гладкому мраморному полу.

Мама вздыхает: «Протрешь дырку в подошве!» Но остановиться невозможно. «Ну, еще чуточку, мамочка!» — прошу я и вновь скольжу, как на коньках.

Ну а на «Белорусскую» мы приезжали с бабушкой на автобусе, чтобы ехать мыться. У нас не было горячей воды и, соответственно, ни ванны, ни водопровода, и мыться нам приходилось ходить в баню. Но когда мамина сестра тетя Таня получила квартиру на «Соколе» в большом кирпичном доме с лифтом, горячей и холодной водой, иногда мы с бабушкой отправлялись к ней.

Как интересно было ехать в поезде. Нужно только сесть поближе к двери, и тогда... начиналась моя сказка, о которой я никому никогда не рассказывала. Металлические поручни, спускавшиеся от потолка к полу, мягко выгибались сбоку сиденья, и в них «пробегали» отражающиеся огоньки. Я смотрела на их бесконечное мелькание и сочиняла такие же бесконечные сказки о хрустальных дворцах и принцах.